

Наталия Лирон

ПРИКОВАННАЯ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л62

Редактор серии *Екатерина Тёрина*

Консультант *Юлия Селиванова*

Лирон, Наталия.

Л62 Прикованная / Наталия Лирон. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-249386-7

У нее больше нет своего имени. Нет своей жизни.

Она — безымянная пленница в подвале загородного дома, где ее держат на цепи. Заботятся, выводят «гулять», но за провинности наказывают, усыпляют и оставляют одну. Похититель видит в ней свою мать и поддерживает в воображении образ идеальной семьи.

Но ситуация неожиданно начинает меняться, когда в доме появляется невеста...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-249386-7

© Лирон Н., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Закат догорает, золотясь пылью, я накидываю на плечи подаренную им шаль, становится прохладно.

— Принесу чай. — Он похлопывает меня по руке. — Тебе имбирный?

Я благодарно улыбаюсь:

— Да, пожалуйста.

Он быстро уходит и возвращается с двумя чашками и коробкой печенья.

Солнце высвечивает его светлые волосы розовым, выделяя стройную фигуру на фоне белого забора и резной зелени. Модная толстовка, укороченные джинсы. Молодой и красивый — и я жадно смотрю на эту яркость.

Пахнет тёплой травой, отцветшими яблонями и дальней грозой, я закрываю глаза, подставляя лицо лучам, стараясь надышаться вечерней росой.

И печенье рассыпчатое, и чай ароматный.

— Вкусно? — Он пододвигает ко мне коробку.

— Очень, спасибо. Ты когда приедешь? — Я вглядываюсь в черты его лица с тревогой и надеждой.

— Только в конце недели. — Он грустно кивает. — Раньше не получится, извини, мам.

Через пару минут он встаёт, я тоже. Он открывает дверь, пропуская меня вперёд.

Цепь юркой змеёй ползёт по стриженной траве, втягиваясь обратно в дом. Я останавливаюсь посреди прихожей, где она крепится к железному диску, ожидая, когда он отстегнёт металлический браслет с правой щиколотки.

— *Мам?* — *Вопросительно поднятая бровь.* — *Ты же знаешь правила.*

— *Ах да.* — *Приседаю на корточки и кладу ладони на пол.*

Он наклоняется и отстёгивает меня, затем я встаю. Он крепко обнимает за плечи, и мы синхронно идём по коридору, оставляя сбоку гостиную, к непримечательной снаружи двери.

Останавливаемся. Он широко улыбается, открывая её своим ключом:

— *Не грусти, что тебе привезти?*

— *Книгу.* — *Мне не хочется уходить.* — *Может быть, варенья — вишнёвого или малинового.*

— *Варенья? Вишнёвого?* — *На его щеках появляются ямочки.* — *Хорошо, мам.*

Дверь распахивается, автоматически включается яркий свет, освещающий узкую лестницу вниз. Я, склонив голову, послушно спускаюсь в подвал, он за мной. Одиннадцать ступенек. За последние почти три года я знаю наизусть каждую из них. Ритуал всегда повторяется.

Спустившись, мы останавливаемся посреди небольшой комнаты.

— *Моё самое нелюбимое время.* — *Он кладёт мне руку на голову, и я мгновенно приседаю на корточки, прикладывая ладони к полу.* — *Правая или левая?*

Я задумываюсь, на какой ноге меньше синяков:

— *Левая.*

Домашние кандалы мягкие, изнутри обтянуты поролоном и почти не доставляют неудобств, но синяки от них всё равно остаются.

— Я приеду в конце недели. Не скучай. — Он целует меня в щёку, кольнув щетиной, гладит по давно не стриженным волосам. — Пока, мам!

— До свидания. — Я растягиваю губы в улыбке. — Пока, мой дорогой сыночек.

Поставив ногу на ступеньку, он машет рукой, подмигивает, легко и упруго взбегают вверх. Собачьей пастью лязгает тяжёлый замок.

Я медленно подхожу к ступеням. Сажусь и долго смотрю на бумажный свёрток, потом разворачиваю — в бумаге небольшая коробочка шоколадных конфет. Он часто оставляет мне «подарочки»: журнал, пакетик кофейных зёрен, пирожное или вот как сейчас — конфеты.

Проклятый ублюдок!

Глаз камеры стеклянно блестит под потолком, направляясь прямо на меня, я машу рукой:

— Спасибо, милый.

Я знаю, что он смотрит.

— Смотрит сюда. — Верочка отошла от двери и возвела накрашенные глаза к потолку. — Елена Васильевна, может, пригласить его? Такой вежливый, сам ничего не спрашивает.

— Гм... да. — Елена задумалась, затем решительно кивнула: — Ладно, пусть зайдёт. Нового я ему ничего не скажу. Вы, пожалуйста, оставайтесь в кабинете, Вера.

Она знала, что сын новой пациентки заслужил всеобщее восхищение персонала отделения. И не только медсестёр, но и врачей.

— Хорошо, — шепнула Верочка и уже в открытую дверь громко, светясь, будто рождественская ёлка: — Заходите, Вадим Григорьевич.

— Здравствуйте, — дружелюбно и мягко сказал он, — Елена Васильевна, я бы всё-таки хотел с вами обсудить альтернативное лечение. И ещё... вы точно уверены?

Елена оглядела его: уже не мальчишка, чуть за тридцать, светлокожий блондин с серо-голубыми глазами, невысокий, некрупный — среднестатистический, но чем-то он привлекал. Может быть, улыбкой? Когда он улыбался, ямочки играли на его щеках, отчего лицо выглядело открытым и симпатичным. И он носил забавные очки в бордовой оправе, которые придавали лицу застенчиво-школьное выражение, что никак не соответствовало его манере держаться, хотя и стеснялся он как-то очень трогательно, по-детски и был иногда назойливым, но, несмотря на это, в нём было притягательное очарование, перед которым сложно было устоять.

— Да-да, я вам уже говорила. — Елена устало улыбнулась. — К большому сожалению, Вадим Григорьевич, нужно оперировать. И как можно скорее. Я уже всё подробно рассказала вашей матери. Я...

— Но погодите, может быть, стоит провести ещё исследования, выслушать мнение другого онколога, не поймите неправильно, Елена Васильевна, при всём моём уважении к вашей компетенции...

— Я понимаю правильно. — Она достала карту. — Вот тут — всё. Если ваша мама захочет, я предоставлю копию и вы сможете найти других специалистов, но уверяю вас, у нас в клинике — лучшие!

Елена почувствовала запах его парфюма — смесь пряно-цитрусового и почему-то морского. Явно хороший и дорогой.

— Я просто хочу знать, есть ли шанс, должен же быть...

— Да, и неплохой. — Она посмотрела на настенные часы и встала. — Есть шанс на полное выздоровление, если удалить молочную железу как можно скорее. Нужно оперировать, пока нет метастаз, сама процедура несложная, восстанавливаться после неё долго не придётся. И потом, у нас в клинике работают отличные пластические хирурги, можно поставить имплант — правда, я бы не рекомендовала совмещать удаление с имплантацией. Я понимаю, как вы расстроены, но сейчас я предлагаю вам с мамой просто спокойно подумать обо всём. Рак груди не приговор, нам удалось ухватить болезнь вовремя, всё поправимо. Ваша мама — сильная женщина, она справится.

Краем глаза она видела, как Верочка смотрит на него разинув рот, и разозлилась.

— Всё будет хорошо? — Голос Вадима чуть дрогнул.

— Всё обойдётся, не волнуйтесь. Оперировать буду я сама.

На его щеках снова заиграли ямочки:

— Если оперировать будете вы, то мне не о чём беспокоиться. И маме тоже. Елена Васильевна, вы... вы же гений медицины! Это общеизвестный факт.

— Ну, перестаньте. — С одной стороны, ей было лестно это слышать, а с другой... лесть была уж слишком откровенной. — Вашей маме очень повезло с сыном, мало кто так переживает за своих родителей. Мы сделаем всё возможное для положительного исхода.

— Хорошо, — согласился он, и лицо его озарилось улыбкой. — Я верю вам как себе, даже немного больше.

Он повернулся к медсестре:

— И вам, Вера, спасибо за доброту и отзывчивость.

— Ну что вы, что вы, — покраснелась Верочка.

Как только он вышел, Елена посмотрела на медсестру:

— Вера, эта очарованность до добра обычно не доводит.

— А что, так заметно? — смутилась девушка.

— Этого не заметит только слепой, — сказала врач и вместо того, чтобы собираться домой, вернулась к своему столу, тяжело ухнула на мягкий стул. — На сегодня всё?

— Дубовец. — Верочка равнодушно пожала плечами. — Он тоже хотел с вами поговорить.

— Ах да. — Елена скривилась, она рассчитывала уйти вовремя. — Если он сидит в холле, то позовите его, если нет, то перенесите на завтра. Мы же его мать давно выписали. Сколько? Месяцев семь-восемь назад?

— Шесть, — уточнила медсестра, подходя к двери, открыла её, обернулась в кабинет, пожала плечами и громко сказала: — Входите.

— Чёрт! — ругнулась Елена, но тут же нацепила на лицо приветливую улыбку.

В кабинет вошёл парень, наверное на пару лет моложе предыдущего посетителя, но если в Вадиме Лотове было какое-то обаяние и шарм, то в этом молодом мужчине их не было: невнятная одежда, состоящая из джинсов и толстовки, невнятная внешность — свет-

лые короткие волосы, нос чуть с горбинкой, серые глаза.

— Зд-дравствуйте, Елена Васильевна. — Он говорил тускло, избегая её взгляда.

— Добрый вечер, Иван. — Елена, наоборот, старалась быть бодрой и энергичной.

Ещё когда его мать лежала в диспансере, он просил не называть его по имени-отчеству.

Доктор открыто улыбнулась:

— Как мама? Как её состояние?

— Лучше. — Он посмотрел на неё украдкой. — Но... может быть, вы п-пропишете какие-то лекарства, у неё боли и... н-настроение...

Он немного запинался, если волновался. У его матери был рак обеих молочных желёз, обе пришлось удалить, операция прошла успешно, и Светлана Афанасьевна Дубовец была выписана по месту прописки, где ей была показана химия и лучевая терапия.

— Как проходит терапия? Что говорит врач в поликлинике?

— Н-ничего не говорит. — Иван уставился в пол. — Там всегда такие оч-череди... Может быть, вы выпишете маме лекарства?

— Я, к сожалению, не имею права. — Елена сочувственно посмотрела на покрасневшего парня. — Извините, Иван, но формально ваша мама уже не мой пациент. А это очень сильные обезболивающие, и я не могу их выписать. Вам всё-таки нужно обратиться к вашему онкологу в поликлинике, у них есть специальные бланки, и для раковых больных это вне очереди.

— Да?! — Он смутился ещё сильнее и стал теревить край своей толстовки. — Ладно, я спрошу. Спасибо.

Он развернулся, чтобы уйти, но Елена его остановила:

— Вы ещё говорили про настроение?

— А-а, да. — Он снова обернулся. — Мама очень подавлена всё время. Ей назначили в поликлинике психолога, но это не помогает.

— Ей нужен не психолог, а психиатр и приём анти-депрессантов. Сейчас... — Она открыла ящик стола, достала несколько визиток и стала их перебирать в руках. — Я знаю отличного специалиста, вы можете к ней обратиться, ссылаясь на меня.

Он достал мобильный телефон:

— Если м-можно, я сфотографирую.

— Конечно. — Елена пододвинула визитку.

Он выровнял карточку так, чтобы она оказалась вровень с краем стола, и Елена заметила, что у него на запястье повязана тонкая красная ленточка.

Иван щёлкнул камерой раз, другой, сунул телефон в задний карман.

— С-спасибо вам, доктор, что уделили время. — Он глянул на Елену.

Она встала, радушно улыбаясь:

— Вы всегда можете со мной проконсультироваться по любым вопросам, если будет такая необходимость.

— Угу. — Он кивнул и пошёл к двери, опустив голову.

Когда за ним закрылась дверь, Елена выдохнула.

— Как жаль этих мальчиков! — обратилась она к Верочке. — Сколько лет работаю, но к этому привыкнуть невозможно.

Сегодня было слишком много всего, и она устала.

Вера робко кашлянула.

— Идите домой, — не оборачиваясь, сказала Елена.

— А вы? — Верочка подскочила к шкафу и быстро накинула пальто.

— И я, — доктор прикрыла глаза, — тоже скоро пойду.

Почти шесть, клиника пустела. Оставались только дежурные врачи и медсёстры.

Когда Верочка ушла, Елена закрыла дверь на замок, крохотным ключиком открыла нижний ящик стола, достала оттуда бутылку и небольшой пузатый бокал. Есть в моей работе хоть какие-то плюсы. По кабинету разнёсся благородный шоколадно-пряный аромат. Она медленно вдохнула запах коньяка, ресницы подрагивали. Всё как-нибудь уладится. Елена сделала большой глоток. Тепло разлилось по телу и мягко стукнуло в затылок.

О том, что симпатичная заведующая отделением Елена Васильевна Киселёва предпочитает коньяк традиционному женскому шампанскому, знали уже все и давно, а вот о том, что она дегустирует подаренные бутылки на работе, — никто. Во всяком случае, она на это очень надеялась.

«Ну и что мне с этой дурочкой делать, а? — Доктор плеснула в бокал ещё немного, потом вздохнула. — Ну, восемнадцать всё-таки не пятнадцать, вырастим как-нибудь». Елена вспомнила, какое растерянно-радостное было лицо у восемнадцатилетней дочери, когда та сообщала ей о беременности, и скривилась.

«Ба-буш-ка. — Елена мысленно примеряла на себя это слово. — Ба-буш-ка. Разве я похожа на бабушку?» Чуть ниже среднего роста, худая, светловолосая, с короткой стильной стрижкой и большими

серо-зелёными глазами, в свои сорок шесть она никак не походила на бабушку.

— Как-нибудь уладится, — повторила она вслух, сделала ещё глоток, убрала бутылку и встала. Взгляд её упал на пухлую папку — «Лотова Светлана Леонидовна», простое, ничем не примечательное имя, следующей строкой шла дата рождения. «Хм, надо же!» — Дата рождения почти совпадала с датой её рождения, 25 января, а у неё было 27-го, правда пациентка Лотова была на три года старше.

Елена задумалась и достала карту Дубовец Светланы Афанасьевны.

«Как забавно!» — Доктор сравнивала обеих пациенток: обе Светланы, у Дубовец день рождения был как раз 27-го, но февраля, старше на четыре года. У обеих — сыновья примерно одного возраста.

По анализам и биопсии она читала «историю болезни» их обеих, но, скорее, видела перед собой не сухой медицинский отчёт, а совершенно безрадостную историю жизней этих женщин — в онкологическом отделении.

Отделять одно от другого становится всё сложнее. Прошое и настоящее путаются, поэтому о прошлом стараюсь не думать. А в настоящем — к камерам привыкаешь, как и ко всему остальному. Он даёт мне всё, что я хочу, — пока я делаю всё, что хочет он. Почти.

Когда часы отсутствуют, включается внутренний таймер. Оказалось, я вполне себе жаворонок, хотя всегда думала, что сова. Утро сегодня дождливое — капли барабнят в подвальные окна, тонированные и забраные в решётку.

Комната довольно большая — наверное, она занимает треть, если не больше, площади всего дома, несколько окошек. Все маленькие и тёмные, чтобы снаружи не был виден включённый свет. Вечный полумрак я разбавляю светом торшеров и ламп, которых у меня много, и все с пластиковыми плафонами. Он не скупится, если я прошу что-то, по его мнению, неопасное.

— Доброе утро, милый. — Я машу ему рукой в камеру.

Завтрак состоит из молока и хлопьев. Ем ложкой: ножи и вилки не полагаются. И запахи здесь остаются надолго, вентиляция не справляется, а открыть можно только крохотную форточку.

— Пойду полежу немного, почитаю. — Я смотрю в камеру над столом.

Если не улыбаюсь, он злится, а если он злится, мне хуже.

Как странно жизнь проявляет, казалось бы, незначительные вещи, составляющие огромную ценность повседневности, которую мы бездарно игнорируем. Налить чашечку горячего кофе, отрезать хлеба или колбасы, есть ножом и вилкой, выдавить прыщ или сходить в туалет, зная, что за тобой никто не наблюдает.

Я беру с полки «Просто сказки» Редьярда Киплинга и иду с ними в кровать, захватив с собой пластиковый стаканчик с апельсиновым соком. Он любит, когда я читаю «его» книги. Их немного и все зачитанные, потрёпанные: «Денискины рассказы» Виктора Драгунского, стихи Маршака и Агнии Барто, мрачный Андерсен, братья Гримм и вот Киплинг. Они стоят вперемешку со взрослыми, но — для удобства — я «выделяю» им собственное место на полке. Похоже, это его детские книги, и сейчас он иногда просит ему почитать.

Узкая цепочка шуршит по ковру, увиваясь за мной. Она позвякивает по кафелю, если я иду в туалет, или глухо постукивает по линолеуму, если подхожу к полкам с книгами. Я знаю эти звуки, они сопровождают меня почти три года, я даже сплю в кандалах. Я всегда в них, пока он не приезжает и не отстёгивает меня на короткие две минуты, когда мы идём через дом во двор — там он пристёгивает меня опять.

В пижаме забираюсь под одеяло, подбиваю подушку и смотрю в книгу, которую читала уже несколько раз. Книги — это то, что я пытаюсь протащить сюда из своего прошлого, чтобы выстроить своё настоящее, создавая иллюзию нормальности. Даже понимая, что это — всего лишь иллюзия. Он привозит мне новые книги только тогда, когда я «хорошо себя веду» и «заслуживаю».

Ещё я выпросила у него большого плюшевого кота, с которым теперь сплю в обнимку. У него есть точно такая же игрушка, с которой спит он... Это наша с ним маленькая «тайна», как и много-много других, больших и маленьких тайн, накопившихся за всё наше-с-ним время.

Уснуть мне не удаётся, дождь усилился и теперь заливает подвальные крохотные оконца, словно иллюминаторы тонущего корабля. SOS, SOS, SOS! Мой корабль идёт ко дну! Спасите наши души! Нет, только мою. Одну. Заблудившуюся в северных широтах.

Я даже не знаю, где нахожусь. Тверь? Кострома? Подмосковье? Рязань? Петербург? Судя по климату, средняя полоса. Слишком средняя, чтобы дать точное определение.

Вижу, что покрывало свесилось с кровати... И мне приходит в голову неожиданная мысль — с замираю-

щим сердцем поворачиваюсь на бок, укладываю плюшевому коту под нос раскрытую книгу, подбиваю одеяло и, прикрывшись лежащим поверх покрывалом, соскальзываю под кровать. Я знаю, что это ненадолго, но хоть на несколько секунд.

Пыльно и тихо. Я лежу, затаившись, ожидая, что вот-вот оживут динамики и голос Владимира скажет: «Мама, ты где?» И я, сделав вид, что просто ищу тапочки под кроватью, вынырну наружу. Он всегда так шутливо спрашивает, словно играет в прятки, если теряет меня из виду. А потом приезжает, перенасстраивает камеры так, что за пару лет слепых зон в моём подвале не осталось.

Но динамики хранят молчание. Иногда я слышу щелчок: он то включается, то отключается — и это всегда произвольно.

Лёжа внизу, я улыбаюсь кроватным рейкам: это удивительное, почти забытое ощущение — знать, что, пусть на секунды, ты предоставлена сама себе. Я всё жду, что он меня окликнет... но — ничего. Неужели он купился на плюшевого кота, прикрытого книгой?

Щелчок. Он отключился, так ничего и не заметив?

Я разглядываю деревянные, держащие матрас у меня над головой, где-то внутри распускаются и ослабевают стальные нити, скрученные в тугий узел. Он окликнет меня скоро, совсем скоро... я жду, но динамики молчат. Мне хорошо в пыльной невесомости подкроватья, словно это совершенно отдельный мир.

Через несколько минут я настолько расслабляюсь, что начинаю засыпать и тут же одёргиваю себя: нет, нет, нет! Неужели он ничего не заметил? Может быть, я положила книгу поверх кота под таким углом, что игрушку не видно, и ему кажется, что я читаю

книгу? Сонливость как рукой сняло, и мозг начинает лихорадочно работать, пытаюсь проанализировать ситуацию. Неужели такое возможно? Это неожидан- ный и чудесный подарок!

Очень медленно и аккуратно, прикрываясь свесив- шимся покрывалом, я выглядываю, пытаюсь запомнить, как именно расположена игрушка и где находится кни- га, потом так же, прикрываясь покрывалом, я тихо заползаю обратно и ложусь в кровать под одеяло.

Неужели он ничего не заметил? Или заметил, но ничего не говорит?

— Говорю тебе: я больше не могу, мам. — Кира вошла в гостиную и рухнула на диван. — Я правда больше не могу.

Елена посмотрела отстранённо:

— Рановато у тебя токсикоз начинается.

Она сидела за компьютером, изучая истории бо- лезни пациентов, и строила планы на завтра. Три операции — и все по удалению молочных желез. «Сивко, Бутыркина, Лотова. Да, Лотова... — Елена задумалась. — Симпатичный парень этот Вадим Ло- тов, настойчивый, но не наглый».

— Мам... мам...

Елена включилась в реальность, глянув на дочь:

— Скажи ещё раз, я прослушала.

Она посмотрела на тоненькую фигурку Киры — она скоро округлится, распухнут щиколотки, раздадутся бёдра, нальются груди. Она больше никогда уже не будет её «маленькой девочкой». Младенцы, младенцы, младенцы... зачем этому миру столько младенцев?

— Может, выпить что-нибудь от этой тошноты? — Кира, скрючившись, лежала на диване.

Елена едва не сказала, что пить нужно было противозачаточные, но промолчала, глядя в страдающие глаза дочери.

— Б-шесть. — Она смягчилась, задумалась. — И угля — для начала, если совсем станет плохо, будем думать.

— А что — сейчас ещё не совсем? — Кирин голос был слабый. — Каждое утро так и почти каждый вечер.

— Ну утро, — хмыкнула Елена и плотнее укуталась в плед. — Утро — это ерунда.

— И вечер, — Кира глянула в темень за окном. — И днём тоже бывает.

— Пока всё в пределах нормы. — Елена уставилась в компьютер. — Тебе нужно жидкости больше. Выпей чаю с лимоном. Горячего.

— Ладно. — Кира сползла с дивана, встала, обернулась и зло добавила: — Опять пациенты твои.

Елена отмахнулась, она любила свою работу и знала, что дочь не любит её за то, что она любит свою работу.

Так было всегда с тех пор, как она поняла, что замужем за медициной и родила Киру лишь потому, что долго не знала, что делать со своей внезапной беременностью, пока не стало поздно, а потом — слишком поздно.

ГЛАВА 2

Поздно думать о сделанном... но мысли всё равно перескакивают с одной на другую — от радости к ужасу.

Я подхожу к окну — напротив глаз трава. Лето только началось, и сегодня солнечно. Одно из окон выходит во двор, и я вижу автоматически открывающиеся

ворота и щель под ними — полосу неба. В этой щели на короткое время и только летом видно закатное солнце. Я стараюсь не пропускать этот миг. Смотреть на закат, словно прикасаться к свободе, которую щедро дарит небо живущим. Только не мне.

— Что ты делаешь, мама? — Его голос долетает из динамиков.

— Жду тебя, милый, — усилием воли заставляю себя отойти от окна.

Он не знает, что я могу видеть закат, эту тайну я храню для себя.

— Когда ты приедешь? Скоро? Я соскучилась! — Поначалу мне было странно разговаривать с пустотой, но я привыкла. Как и ко всему остальному.

— Скоро. — Он никогда не обозначает точного времени. — Привезу тебе варенья, малинового. Уже купил.

— Ты знаешь, чем меня порадовать! Спасибо! — Оскаливаюсь в улыбке.

Не верь себе, не верь себе, не верь себе!

Я повторяю это каждый раз, потому что, когда постоянно проговариваешь одно и то же, начинаешь этому верить. И забываешь, как есть на самом деле.

— И ещё у меня для тебя сюрприз, мам! Пока это тайна, но обещаю: тебе понравится! — Его голос интригующий, тон приподнятый.

Чтоб ты сдох, тварь, вместе со своими сюрпризами!

— Ох как интересно, мой дорогой сыночек, — стискиваю зубы.

— Не скучай, скоро приеду, мамочка.

— Мамочка моя, мама, мама, — очень тихо прошептал он, но Елена услышала и удивлённо обернулась.

Вадим стоял возле окна, нервно потирая переносицу. Видно было, что он волнуется.

«Интересно, беспокоилась бы так за меня Кира?» — вдруг подумала Елена.

Операция была назначена на одиннадцать утра — на сегодняшний день вторая по счёту, а поскольку первая прошла с осложнениями и задержалась, следующая тоже сдвинулась.

Увидев врача, он сразу же подошёл.

— Здравствуйте. — Лицо его было серьёзным и сосредоточенным. — Какие прогнозы? Эт-то надолго? Сколько ждать?

На нём были джинсы и рубашка с пиджаком. Елена скользнула взглядом по его фигуре — видно было, что он не брезгует спортзалом. И рубашка отличная!

— Несколько часов, точнее сказать не могу — вы всегда можете позвонить в операционный блок и узнать, как идут дела.

— Вы так добры. — Он улыбнулся, поправляя очки.

На них смотрели медсёстры, санитарки, пациенты.

Елена заметила, что у него чуть подрагивают кончики пальцев.

— Вадим Григорьевич, успокойтесь, это не самая сложная операция, и у вашей мамы отличные шансы. После я к вам подойду и всё подробно расскажу.

— И я буду бесконечно вам благодарен! — Он понял, что врач заметила его волнение, и постарался его скрыть, отчего засмутился, подёргивая дужку очков, и покраснел.

Это смущение ему очень шло.

— Всё будет хорошо. — Доктор коротко кивнула. — Через пару часов я к вам выйду.

Когда она вошла в операционную, пациентка уже лежала на столе. Ещё в сознании, под лёгким седативным препаратом.

— Как там мой мальчик? — тихим голосом спросила Светлана Леонидовна.

— Переживает за вас очень. — Елена улыбнулась. — Немногие сыновья так волнуются за своих мам.

Она всегда старалась разговаривать с пациентами мягко и спокойно, давая понять, что волноваться не о чем, настрой самого пациента — уже половина дела.

— Он такой. — Пациентка покачала головой. — Всегда со мной и в горестях, и в радостях, когда я болею, лечит меня, заботится. Никогда не оставляет и не бросает, как другие дети.

— И это хорошо. — Доктор отошла на шаг.

Пришёл анестезиолог, пациентка благополучно уснула, Елена коротко кивнула ассистенту, тот махнул медсестре, и послышались первые аккорды органа.

Как завотделением, она ввела такую моду, и теперь каждый хирург волен был слушать ту музыку, которая помогала сосредоточиться. У самой заведующей Бах чередовался с «Пинк Флойдом» и «Металликой» в произвольном порядке.

— Что-то давление падает. — Анестезиолог Миша глянул на датчики. — Что там у тебя, Лен?

— Гм... поддержи... — Она оставила инструменты ассистенту и вынула руки из полости. — Сколько?

— Восемьдесят на пятьдесят пять, давай-ка эпинефрина подколю. — Он набрал шприц и кивнул на мешок. — Второй литр люю.

— Скоро закончу. — Елена посмотрела на него поверх очков и вернулась к больной.